

Отзыв

на автореферат диссертации Е.Л. Скворцовой
на соискание учёной степени доктора философских наук
«Культурная традиция и философско-эстетическая мысль
в Японии XX века»

Прежде, чем углубиться в канонический текст автореферата, автор данного отзыва позволил себе начать изучение документа с конца, т.е. просмотреть список опубликованных работ соискателя по теме диссертации. Две монографии общим объемом более 33 а.л., а также 44 статьи свидетельствуют о серьезной работе над избранной темой и материалом. Первая монография Е.Л.Скворцовой «Современная японская эстетика. Философские очерки», опубликованная в 1996 г. во ВНИИ искусствознания, обнаруживает ее внимание к современной философии и эстетике Японии. Вместе с тем уже в статье Е. Л. Скворцовой «Япония: эстетический универсализм», вошедшей в сборник «Синтез в искусстве стран Азии» (1993), подробно описывается чайная церемония как совокупность воздействующих на адепта факторов традиционной культуры, проявление своего рода образа «разума тела». Сопряжение двух форм философско-эстетической мысли, сосуществующих в современной культуре Японии, реализовалось в дальнейших исследованиях Е.Л.Скворцовой, представленных в тексте диссертации.

Открывая первый раздел реферативного текста – **«Общая характеристика работы»** – Е.Л.Скворцова обозначает смысл и пределы своего труда: «Настоящее исследование посвящено *жизни традиции* в формировании японской философско-эстетической науки *теоретического, западного, типа*».

Необходимо сразу отметить особое значение смысла заявленной темы. Взаимодействие теоретических концепций культуры Востока и Запада в начале XX века осложняется не только изначальными образами мироустройства, но и сложившимися отношениями господства и подчинения в условиях полной или частичной колонизации.

Самосознание интеллектуальной части населения требует иного статуса для индивида и культурной идентичности нации. Особое положение Японии, сохранившей независимость, в отличие, например, от Индии, позволило полноценно развиваться и национальной традиции, и освоению культурного поля европейской цивилизации.

Анализируя тексты японских теоретиков XX века, диссертант отмечает преимущество их работ по отношению к классической китайской традиции, включающей даосские и конфуцианские трактаты, буддийские сутры, а также исторические хроники. Диссертант считает также, что традиционная имплицитная эстетика Японии достаточно полно изучена российскими учеными. Однако состояние современной эстетико-философской науки в Японии исследовано недостаточно, равно как и объекты эстетической мысли этого периода.

Одной из наиболее важных задач, поставленных диссертантом в исследовании, является перевод и анализ трудов японских ученых, неизвестных пока отечественной науке.

Исходя из вышеизложенного, Е.Л.Скворцова определяет **актуальность избранной темы** по нескольким параметрам. Прежде всего она выделяет необходимость философски-эстетического подхода «в условиях глобализации, нарастающей конфликтности не только в информационном, но и в реальном географическом пространстве». Затем определяются особенности философско-эстетического дискурса, опирающегося на многовековую традицию наряду с новейшими достижениями передовой технологии и их осмыслением. Диссертант отмечает также необходимость введения в обиход современной науки непереураченные до этого труды японских философов, учитывая становление философско-эстетического знания в Японии, которое рассматривается в контексте анализа актуальной проблемы «разума тела», т.е. телесного измерения разума как одной из фундаментальных характеристик духовной традиции.

Источниками исследования данной проблемы диссертантом избрано значительное число трудов японских философов и эстетиков XX века, разрабатывающих тему традиции в рамках философско-эстетического знания западного типа. Наряду с ними использовались также справочные издания, словари, энциклопедии на русском и на японском языках.

Помимо обширного корпуса исследований японских ученых, диссертантом учтены работы европейских философов и эстетиков. «Главный вклад в дело изучения эстетической мысли Японии XX в. - пишет Е.Л.Скворцова, - принадлежит Микеле Марра (1956-2012), выпускнику Туринского университета, профессору Калифорнийского университета (США). Ему принадлежит уникальная попытка описания и первичной систематизации истории создания в Японии философско-эстетической науки западного типа. М. Марра пошел единственно возможным в ситуации накопления материала двойным путём: а) путём перевода на английский язык наиболее репрезентативных текстов японских эстетиков с параллельным комментарием; б) путём перевода работ, написанных самими японскими эстетиками, и посвящённых трудам их учителей, довоенных преподавателей и исследователей из Токийского и Киотского университетов».

В разделе **«Степень научной разработанности проблемы»** диссертант, выделяет несколько групп исследовательских работ, анализирующих различные аспекты развития японского эстетического знания.

«Наиболее глубокими и значительными научными исследованиями традиционной японской эстетики в России, - пишет Е.Л. Скворцова, - являются работы Т. П. Григорьевой». К ним она относит в первую очередь фундаментальный труд «Японская художественная традиция» (1979)., где речь идёт о своеобразии японской культуры как целостной системы, в том числе о холистическом, целостном подходе к человеку как синтезу его эмоциональных, ментальных и соматических характеристик. «Подчеркнём, - пишет она, - что это фактически первое исследование, анализирующее традиционную японскую эстетику не с историко-филологических позиций (их было достаточно в советской японистике), а

с точки зрения философско-культурологической». В 1983 г. опубликована работа Т. П. Григорьевой «Японская литература XX века», где говорится о сложном процессе становления новой японской литературы, адаптировавшей достижения литератур Запада, но не потерявшей и внутренней связи с традицией.

Е.Л.Скворцова с особым вниманием указывает на сопоставление двух типов ментальности в работе Т.П.Григорьевой «Дао и Логос. Встреча культур» (1993). Главная мысль этой книги, считает диссертант, состоит в определении культур Востока и Запада как взаимодополняющих противоположностей: динамического измерения Универсума на Дальнем Востоке, и на Западе, избравшем абстрагированную из потока жизни статику.

Опираясь на выдвинутое Т.П.Григорьевой положение о важности «параллельного типа связи», существующего в дальневосточной цивилизации наряду с линейным, причинно-следственным типом, диссертант находит близкие суждения в работах Н.А.Виноградовой, В.П. Мазурика и Е. С. Штейнера, а также Н.Г.Анариной («культура сумм»), В. В. Малявина («сознательный традиционализм»). Данная черта японской культуры отмечается и А. Н. Мещеряковым. «В диссертационном исследовании – считает диссертант, - для нас важны выводы этого автора, посвящённые культурологической компаративистике, где формулируются положения о характере восприятия японской культурой инноваций и иностранных влияний, о «диалогическом характере» японской культуры, о японском императоре как образце ответственного культурного правителя, о государственном чиновнике, сочетающем в себе черты прагматика, образованного интеллектуала и художественно одарённой натуры, о значении телесного измерения человека в японской культуре».

При этом Е.Л.Скворцова считает, что «главный вклад в дело изучения эстетической мысли Японии XX в. принадлежит Микеле Марра (1956-2012)», «которому принадлежит уникальная попытка описания и первичной систематизации истории создания в Японии философско-эстетической науки западного типа».

Упоминание имен японских теоретиков и их трудов в разделе об источниках, которыми пользовался диссертант, не требует повторения, однако обращение к авторам древних трактатов, основоположников традиции, вполне уместно: «У нас в арсенале, - напоминает Е.Л.Скворцова, - имеется большое количество текстов японских теоретиков традиционного искусства, таких, как Мибу Тадаминэ (898-920), Ки-но Цураюки (872-945), Фудзивара Сюдзэй (1124-1199), Фудзивара Тэйка (1162-1241), Ёсимото Нидзё (1320-1388), Дзэами Мотокиё (1363-1443) Синкэй (1406-1475), Мацуо Басё (1644-1694) и многих других. Великий поэт и теоретик поэзии трёхстиший *хайку* Басё писал о единстве имплицитной эстетики для всех видов традиционного искусства: «Сквозь поэзию *вака* Сайгё, поэзию стихотворных цепочек *рэнга* Соги, чайное действо Рикю проходит единый Путь – путь красоты».

«Эти трактаты – продолжает диссертант, - представляют собой теоретическое осмысление художественной практики и, в свою очередь, почитались за сакральное руководство в обучении мастерству. В данном случае мы имеем дело с имплицитной эстетикой, которая, разумеется, не осознавалась и никак не могла

осознаваться как философская дисциплина, хотя и была связана именно с философским, даосско-буддийским мировоззрением и считалась одним из измерений Пути *-Дао*. Она представляла собой длительную и глубокую традицию, в русле которой формулировались принципы, воплощённые как в художественной практике, так и в жизни образованных социальных групп по меньшей мере как регулятивный идеал».

В разделе **«Объект и предмет исследования»** Е.Л.Скворцова обозначает круг вопросов, касающихся тематики ее работы. Объект исследования – это философско-эстетическая мысль Японии XX в., материализованная в соответствующих произведениях. В начале XX в. в японском академическом мире продолжался инновационный процесс ассимиляции западного философско-эстетического знания, создания нового философского языка, начавшийся в эпоху Мэйдзи.

Предмет исследования – жизнь традиции (категорий и идей имплицитной средневековой эстетики и эстетики Нового времени) в трудах японских эстетиков XX в.

Цель исследования – рассмотреть и проанализировать основные идеи современных японских эстетиков-традиционалистов, показать, что понятия и смысл имплицитной традиционной японской эстетики в XX веке обретают «новое дыхание» и являются предметом активного обсуждения в связи с появившимися новыми темами, в частности, темой компьютерного творчества.

Структура работы

Диссертационная работа состоит из введения, восьми глав и восемнадцати параграфов, заключения, списка сокращений и библиографического списка (включает 337 наименований).

Основное содержание работы

Во **Введении** определены общие цели и задачи, поставленные автором в ходе работы над диссертацией, методология исследования, определена степень новизны и актуальность. Сформулированы основные научные положения, полученные на основе проведённых исследований.

В **Первой главе, Японская эстетическая традиция: «бесформенное», «форма» и проблема «разума тела»,** выявляется генезис национального философско-эстетического знания в контексте исследования проблемы «разума тела», знания-состояния как противоположного дискурсивному знанию-информации.

Исторически первая категория «прекрасного» в японской эстетике, *моно-но аварэ*, уходит своими корнями в глубины мифоритуального сознания. Это слово означало «запрет, табу»; оно связано с культом предков и магическим ритуалом вызова их духов на землю. Считалось, что каждое произнесённое в сакральных местах такое слово обладает магической энергией и способно с помощью богов-ками влиять на ход событий в материальном мире. Поэтому изначальный смысл слова *аварэ* – «чары, магия».

«Бесформенное» и «форма» в японской классической эстетике, Здесь подчёркивается приоритет «бесформенного», **текучего** аспекта Бытия перед его фиксированными формами в текстах основоположников эстетической мысли Дальнего Востока. Японская эстетическая традиция, испытавшая сильнейшее влияние китайской мысли, опиралась на идею о том, что скрытый, подвижный порядок бытия – Дао постигается человеком не рассудочным познанием (хотя и не без участия последнего), а всем его целостным телесно-духовным существом.

Одухотворённое тело человека, понимаемое как средоточие, с одной стороны «форм», сообщаемых органами чувств, а с другой стороны – «бесформенного», на невидимые и неслышимые токи которого отзывается

сердце-коро – телесно-ментально-сенситивный орган. Органы пяти человеческих чувств – «врата восприятия» вещного мира, нацелены на схватывание его вещных «форм»; **коро** же предназначено для восприятия «бесформенного», для проникновения в бесчисленные метаморфозы тёмного динамического первоначала Универсума – Дао.

Для японской духовной традиции был характерен культ бесформенного, эстетизация эфемерного, текучего Бытия мира и человека. Притом, что для обозначения понятия «формы» в японском языке всегда существовало несколько иероглифов, ни один из них не имел чётко ограниченного смысла. Все эти варианты так или иначе служили для выражения текучести, непостоянства Бытия.

Оппозиция «форма-бесформенное» в дальневосточной культуре соответствует западной оппозиции «форма-материя» (вариант: «форма-содержание»). Первая рассматривает ткань Бытия мирового континуума как «лицевую сторону» пустотной «основы», порождающей и определяющей все явные подробности Бытия, воспринимаемые чувствами человека.

Поскольку пустотная основа пронизывает и человеческое бытие, каждому индивиду «изнутри», непосредственно знаком этот неявный порядок. Принципиальной задачей человека дальневосточная мысль считает специальное культивирование чувствительности к «дуновениям» пустотной основы. Это практикуется в рамках культурной традиции – не только через усвоение текстов эстетических трактатов, а через живое постижение «атмосферы», через непосредственное – от учителя к ученику – следование каноническим формам. Таким образом, дальневосточная традиция считает «формой» и собственно «форму», и «содержание» (вещество, материю).

Во **Второй главе, Западные влияния на развитие японской духовной культуры,** исследуются различные аспекты взаимодействия Японии и Запада в интеллектуальной сфере. Диссертант подчёркивает цивилизационное влияние западной мысли на формирование японского научного знания.

Здесь же рассмотрена деятельность кафедр эстетики в Токийском и Киотском университетах, и сделан анализ творчества основоположника японской философской теории Нисиды Китаро и крупного философа Ониси Ёсинори. Дана характеристика переломной эпохи Мэйдзи, которая ознаменовалась началом вхождения Японии в мировой культурный контекст.

В эпоху Мэйдзи выдвинут лозунг *вакон-ёсай* – «японский дух –

западные знания», и саму эту эпоху в целом можно назвать эпохой западного просвещения. Главную тяжесть выполнения определившейся задачи взяло на себя самурайское сословие – самый передовой в культурном отношении класс. В открывшихся императорских университетах бывшие самураи начали изучение как современных европейских языков, так и древнегреческого и латыни, задав высочайший стандарт образования, сохранившийся и по сей день. Однако мудрость правящих классов состояла в том, что наряду с поощрением быстрого усвоения западных знаний, государство сохраняло и упрочивало национальную духовную традицию. Западные знания не рассматривались как основание национальной идентичности. Таким основанием объявлялся «японский дух» – традиционное целостное гуманитарное знание о мире и человеке.

При встрече с европейской культурой японцы столкнулись с новым для себя мировоззрением – материалистически-прагматическим. Точка зрения голых выгоды и полезности оказалась созвучна в первую очередь менталитету местного купечества, но не японскому обществу в целом. Взаимодействие с цивилизацией, основанной на материи и расчёте, оказалось серьёзным испытанием для пребывающих в лоне традиционных представлений жителей Японских островов. Более высокий, чем у японцев, уровень развития техники, а также уровень материального потребления европейцев доказывали эффективность их мировоззренческих установок. Надо было выявить ценностные основы западной культуры, способствующие столь высоким научно-техническим достижениям. Поэтому был сделан правильный вывод, что достижения Запада в военной и теоретической сферах и гораздо более высокий стандарт жизни *связаны с общим мировоззренческим фундаментом*, с особенностями гуманитарного знания.

Именно в целях повышения национальных жизненных стандартов в Японии была предпринята отчаянная попытка как можно скорее усвоить корпус философских теорий Запада. При этом, при всей нацеленности на получение западного знания, в идеологической сфере правительственные круги строго придерживались традиционных установок, оставляя неизменной политику опоры на высокоморальную, конфуциански ориентированную личность.

В заключительных главах исследования мы встречаем галерею интеллектуальных портретов эстетиков послевоенной эпохи, разрабатывавших тему традиции в совершенно изменившихся условиях: окружающая среда из привычной старшим поколениям природной превратилась и продолжает превращаться в сплошную технологическую сеть. Общение людей между собой также требует от человека овладения комплексом адаптационных навыков по отношению к этой новой среде обитания, к которой человек эволюционно не приспособлен. Как указывает Имамита Томонобу, в этих новых условиях огромных скоростей и технологической среды обитания человек обрёл черты машины и животного, что требует от него кардинального пересмотра ценностных ориентировок в новом мире. Что же предлагает эстетика Японии XX века? Кавано Хироси – принять как данность наступление эры киборгов, Нитта Хироэ и Имамита Томонобу – выработку новых стратегий как на индивидуальном, так и на общественном и межгосударственном уровнях.

Текст автореферата диссертации Е.Л. Скворцовой представляет сложную картину развития художественной культуры XXI века, притом не только в самой Японии. Проблемы соотношения новых средств информации, пригодных и для создания разнообразных художественных форм, включая как пластические объекты, так и звуковые, сенсорные и прочие виды виртуальной деятельности, с искусством непосредственного контакта творца с предметом его творчества предстоит разрешать философии нового тысячелетия. Как справедливо замечает автор, прежде чем вступать в серьезный диалог с философской литературой прошлого века необходимо дать его развернутое описание. Прделанная в этом направлении работа диссертанта заслуживает особого внимания, ибо таким образом в гуманитарную науку вводится значительный объем оригинальных текстов и комментариев.

Наиболее яркий пример практического применения результатов исследования может быть явлен в ближайшее время: в Государственном музее Востока должна открыться выставка под названием «Чай. Вино. Поэзия», в основу концепции которой были заложены традиционные ценности дальневосточной традиции, сочетающие в себе духовное и телесное начала.

Текст автореферата уже сейчас имеет научное значение для специалистов смежных дисциплин и может быть путеводителем в поисках необходимой литературы.

И.И.Шептунова,

кандидат искусствоведения,

главный научный сотрудник

Отдела Южной Азии

Государственного музея Востока.

19.09.2014

подпись
удостоверено

Шептунова И.И.
кабинет № 64

СВЕДЕНИЯ О РЕЦЕНЗЕНТЕ:

ШЕПТУНОВА ИРИНА ИГОРЕВНА – главный научный сотрудник
Отдела Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии и Центральной Азии
Государственного музея Востока.

Проживает по адресу: г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 132, кв. 51.

Телефон: 8 (495) 420 71 77

E-mail: irina.sheptunova@yandex.ru